

Соловьев Владимир Сергеевич

**Великий спор и христианская
политика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Великий спор и христианская политика / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 262 с.

ISBN 978-5-519-74662-5

ISBN 978-5-519-74662-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ томъ, что онъ сознательно борется съ дурною дѣйствительностью ради лучшей цѣли. Господство болѣзни есть фактъ, но цѣль есть здоровье; и отъ этого дурнаго факта къ лучшей цѣли есть переходъ и средство, называемое медициною. И въ общей жизни человѣчества царство зла и раздора есть фактъ, но цѣль есть царство Божіе, и къ этой-то цѣли посредствующій переходъ отъ дурной дѣйствительности называется христіанскою политикою *).

Согласно общераспространенному мнѣнію, каждый народъ долженъ имѣть свою собственную политику, цѣль которой соблюдать исключительные *интересы* этого отдѣльнаго народа или государства. Въ то время, какъ представители европейской цивилизаціи, Англичане или Фран-

*) Такимъ образомъ эта политика вовсе не есть *утопія* въ порицательномъ смыслѣ этого слова, то-есть такая, которая не хочетъ знать о дурной дѣйствительности и осуществляетъ свой идеаль въ пустомъ пространствѣ; христіанская политика, напротивъ, исходитъ изъ дѣйствительности и прежде всего хочетъ *помочь* *противъ* *дѣйствительнаго* *зла*.

цузы, дѣйствуя исключительно въ своихъ національныхъ интересахъ, самоувѣренно кричатъ объ этомъ на весь свѣтъ, какъ о дѣлѣ вполне пристойномъ и даже похвальномъ, раздаются иногда и у насъ патріотическіе голоса, требующіе, чтобы мы не отставали въ этомъ отъ другихъ народовъ и также руководились бы въ политикѣ исключительно *своими* національными и государственными интересами, и всякое отступленіе отъ такой „политики интереса“ объявляется или глупостью или измѣною. Быть-можетъ въ такомъ взглядѣ есть недоразумѣніе, происходящее отъ неопредѣленности слова интересъ: все дѣло въ томъ, о *какихъ* именно интересахъ идетъ рѣчь. Если полагать интересъ народа, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, въ его богатствѣ и внѣшнемъ могуществѣ, то при всей важности этихъ интересовъ несомнѣнно для насъ, что они *не должны* составлять высшую и окончательную цѣль политики, ибо иначе ими можно будетъ оправдывать всякія злодѣянія, какъ мы это и видимъ. Въ послѣднее время патріоты всѣхъ странъ смѣло указываютъ на по-

литическія злодѣянія Англіи какъ на примѣръ достойный подражанія. Примѣръ въ самомъ дѣлѣ удачный: никто и на словахъ и на дѣлѣ не заботится такъ много, какъ Англичане, о своихъ національныхъ и государственныхъ интересахъ. Всѣмъ извѣстно, какъ ради этихъ интересовъ богатые и властительные Англичане морятъ голодомъ Ирландцевъ, давятъ Индусовъ, насильно отравляютъ опиумомъ Китайцевъ, грабятъ Египетъ. Несомнѣнно, всѣ эти дѣла внушены заботой о національныхъ интересахъ. Глупости и измѣны тутъ нѣтъ, но безчеловѣчія и безстыдства много. Еслибы возможенъ былъ *только такой* патріотизмъ, то и тогда не слѣдовало бы намъ подражать англійской политикѣ: лучше отказаться отъ патріотизма, чѣмъ отъ совѣсти. Но такой альтернативы нѣтъ. Смѣемъ думать, что истинный патріотизмъ согласенъ съ христіанскою совѣстью, что есть другая политика кромѣ политики интереса, или лучше сказать, что существуютъ иные интересы у христіанскаго народа, не требующіе и даже со-

всѣмъ не допускающіе международнаго *людоѣдства*.

Что это международное *людоѣдство* есть нѣчто непохвальное, это чувствуетъ даже тѣми, которые имъ наиболѣе пользуются. Политика матеріальнаго интереса рѣдко выставляется въ своемъ чистомъ видѣ. Даже Англичане, самодовольно высасывая кровь изъ «низшихъ расъ» и считая себя въ правѣ это дѣлать просто потому, что это выгодно имъ, Англичанамъ, нерѣдко однако увѣряютъ, что приносятъ этимъ великое благодѣяніе самимъ низшимъ расамъ, пріобщая ихъ къ высшей цивилизаціи. Здѣсь такимъ образомъ грубое стремленіе къ своей *выгодѣ* превращается въ возвышенную мысль о своемъ культурномъ *призваніи*. Этотъ идеальный мотивъ, еще весьма слабый у практическихъ Англичанъ, во всей силѣ обнаруживается у народа мыслителей. Германскій идеализмъ и склонность къ высшимъ обобщеніямъ дѣлаютъ невозможнымъ для Нѣмцевъ грубое эмпирическое *людоѣдство* англійской политики. Если Нѣмцы поглотили Вендовъ, Прусовъ и собираются поглотить

Поляковъ, то не потому, что это имъ выгодно, а потому, что это ихъ „призваніе“ какъ высшей расы: германизируя низшія народности, возводить ихъ къ истинной культурѣ. Англійская эксплуатація есть дѣло матеріальной выгоды; германизация есть духовное призваніе. Англичанинъ является передъ своими жертвами какъ пиратъ; Нѣмецъ какъ педагогъ, воспитывающій ихъ для высшаго образованія. Философское превосходство Нѣмцевъ обнаруживается даже въ ихъ политическомъ людоедствѣ: они направляютъ свое поглощающее дѣйствіе не на вѣншнее достояніе народа только, но и на его внутреннюю сущность. Эмпирикъ Англичанинъ имѣетъ дѣло съ фактами; мыслитель Нѣмецъ съ идеей: одинъ грабитъ и давитъ *народы*, другой уничтожаетъ въ нихъ самую *народность*.

Высокое достоинство германской культуры неоспоримо. Но все-таки принципъ высшаго культурнаго призванія есть принципъ жестокой и неистинный. О жестокости его ясно говорятъ печальныя тѣни народовъ, подвергнутыхъ духовному рабству и утратившихъ свои

жизненные силы. А неистинность этого принципа, его внутренняя несостоятельность, явно обличается его неспособностью къ послѣдовательному примѣненію. Вслѣдствіе неопредѣленности того, что собственно есть высшая культура и въ чемъ состоитъ культурная миссія, нѣтъ ни одного историческаго народа, который не заявлялъ бы притязанія на эту миссію и не считалъ бы себя въ правѣ насиловать чужія народности во имя своего высшаго призванія. Народомъ народовъ считаютъ себя не одни Нѣмцы, но также Евреи, Французы, Англичане, Греки, Италияцы и т. д. и т. д. Но притязаніе одного народа на привилегированное положеніе въ человѣчествѣ *исключаетъ* такое же притязаніе другого народа. Слѣдовательно или всѣ эти притязанія должны остаться пустымъ хвастовствомъ, пригоднымъ только какъ прикрытіе для утѣсненія болѣе слабыхъ сосѣдей, или же должна возникнуть *борьба* не на жизнь, а на смерть между великими народами изъ-за права культурнаго насилія. Но исходъ такой борьбы никакъ не докажетъ дѣйствительно высша-

го призванія побѣдителя; ибо перевѣсъ военной силы не есть свидѣтельство культурнаго превосходства: такой перевѣсъ имѣли полчища Тамерлана и Батыя, и еслибы въ будущемъ такой перевѣсъ выпалъ на долю Китайцевъ благодаря ихъ многочисленности, то все-таки никто не преклонится передъ культурнымъ превосходствомъ монгольской расы.

Идея культурнаго призванія можетъ быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призваніе берется не какъ мнимая *привилегія*, а какъ дѣйствительная *обязанность*, не какъ господство, а какъ служеніе.

У каждаго отдѣльнаго человѣка есть матеріальные интересы и интересы самолюбія, но есть также и *обязанности* или, что то же, *нравственные* интересы, и тотъ человѣкъ, который пренебрегаетъ этими послѣдними и дѣйствуетъ только изъ-за выгоды, или изъ самолюбія, заслуживаетъ всякаго осужденія. То же должно принять и относительно народовъ. Если даже смотрѣть на народъ какъ только на сумму отдѣльныхъ лицъ, то и тогда въ этой суммѣ не можетъ исчезнуть

нравственный элементъ, присутствующій въ слагаемыхъ. Какъ общій интересъ цѣлаго народа составляетъ *равнодѣйствующую* всѣхъ частныхъ интересовъ (а не простое повтореніе каждаго въ отдѣльности) и имѣть отношеніе къ подобнымъ же коллективнымъ интересамъ другихъ народовъ, такъ же точно должно разсуждать и о народной нравственности. Расширеніе личнаго во всенародное нѣтъ основанія ограничивать одною низшею стороною человѣка: если матеріальные интересы отдѣльныхъ людей пораждаютъ общій народный интересъ, то и нравственные интересы отдѣльныхъ людей пораждаютъ общій нравственный интересъ народа, относящійся уже не къ отдѣльнымъ членамъ другихъ народовъ, а къ цѣлости, — у народа является нравственная обязанность къ другимъ народамъ и ко всему человѣчеству. Видѣть въ этой общей обязанности метафору и вмѣстѣ съ тѣмъ стоять за общій національный интересъ какъ за что-то дѣйствительное есть явное противорѣчіе. Если народъ — только отвлеченное понятіе, то вѣдь отвлеченное понятіе не можетъ имѣть не

только обязанностей, но точно такъ же не можетъ у него быть и никакихъ интересовъ и никакого призванія. Но это явная ошибка. Во всякомъ случаѣ мы должны признать интересъ народа какъ общую функцію частныхъ дѣятелей, но такою же функціей является и народная обязанность. Есть у народа интересъ, есть у него и совѣсть. И если эта совѣсть слабо обнаруживается въ политикѣ и мало сдерживаетъ проявленія національнаго эгоизма, то это есть явленіе ненормальное, болѣзненное, и всякій долженъ сознаться, что это не хорошо. Не хорошо международное людоедство, оправдываемое или неоправдываемое высшимъ призваніемъ; не хорошо господство въ политикѣ возрѣвнѣй того африканскаго дикаря, который на вопросъ о добрѣ и злѣ отвѣчалъ: добро—это когда я отниму у сосѣдей ихъ стада и женъ, а зло—когда у меня отнимутъ. Такой взглядъ господствуетъ въ международной политикѣ; но онъ же въ значительной мѣрѣ управляетъ и внутренними отношеніями: въ предѣлахъ одного и того же народа сограждане повседневно эксплуатируютъ, обма-

нываютъ, а иногда и убиваютъ другъ друга, однакоже никто не заключаетъ изъ этого, что такъ и должно быть; отчего же такое заключеніе получаетъ силу въ примѣненіи къ высшей политикѣ?

Есть и еще несообразность въ теоріи національнаго эгоизма, губительная для этой теоріи. Разъ признано и узаконено въ политикѣ господство своего интереса только какъ *своего*, то совершенно невозможнымъ становится указать *предѣлы* этого *своего*; патріотъ считаетъ своимъ интересъ своего народа въ силу национальной солидарности, и это конечно гораздо лучше личнаго эгоизма, но здѣсь не видно, почему именно *національная* солидарность должна быть сильнѣе солидарности всякой другой общественной группы, не совпадающей съ предѣлами народности? Во время французской революціи, на примѣръ, для эмигрантовъ и легитимистовъ чужеземные правители и вельможи оказались гораздо больше своими чѣмъ французскіе якобинцы, для нѣмецкаго соціалъ-демократа парижскій коммунаръ также болѣе свой, нежели померанскій помѣщикъ, и т. д. и т. д. Быть-